

— Заведующий Юань, глядите сюда! — выкрикнул один из слуг.

Он копал в паре саженей от того места, где росли цветы Митуоло. То, что открылось глазам остальных, на сей раз превзошло все мыслимые пределы человеческого воображения по своей причудливости и мерзости.

Почва под питомником давно превратилась в пустую скорлупу, изрытую сетью извилистых нор. В разверзшемся провале, тесно прижавшись друг к другу, копошились десятки молочно-белых коконов величиной с полугодовалого младенца.

Это были уже не просто яйца, а почти сформировавшиеся личинки. Их тела, покрытые скользкой слизью, тонули в смеси из грязи, экскрементов и всяческой нечисти. Мутная белесо-зеленая жижа заполняла дно ямы, источая невыносимое зловоние.

Лица этих тварей уже пугающе напоминали человеческие. Вытянув острые, похожие на иглы хоботки, они впились в корни цветов, с жадностью высасывая последние остатки жизненной эссенции Митуо.

— Кха... — Некоторые из самых слаонервных не выдержали: содрогаясь от омерзения, они бросились в сторону, заходясь в сухом кашле.

Лао Юань, помрачнев, командовал стоящим рядом:

— Разделитесь! Пусть часть людей принесет всё оставшееся сосновое масло. Пока эти твари не обрели истинную форму, сожжём их дотла!

Один из слуг, не понимая, с чем столкнулся, с дрожью в голосе спросил:

— Заведующий Юань, что же это за нечисть такая? Я в этих горах больше десяти лет служу, а такой дряни отродясь не видывал!

— Да что там ты, — холодно отозвался Юань, — я и сам не чаял, что в нашем саду заведутся подобные гады. Когда-то я путешествовал вместе с Господином и навидался всякого. Это злые духи — сесуй. Они живут тем, что пожирают эссенцию живых существ. Митуоло — растение божественное, в нем полно духовной силы. Мы потеряли бдительность, вот они и пробрались через лазейку.

— Если они только соки из цветов тянут — полбеды, — вставил другой. — Страшно представить, не едят ли они людей?

Толпа зашумела:

— Посмотри на эти рожи! Твари явно неразборчивы в еде, вряд ли они нас пощадят!

Тем временем слуги притащили из кладовой масло и по приказу Юаня принялись заливать его в норы. Юань вместе с остальными зажёл факелы и бросил их в ямы.

В мгновение ока столбы пламени взметнулись к небу, скрытому белесой дымкой тумана. Густой чёрный дым смешался с тяжелыми испарениями, и воздух наполнился таким влажным смрадом, что у всех присутствующих перехватило дыхание.

Люди с мрачным удовлетворением наблюдали, как нечисть корчится в огне, издавая тонкий, режущий слух визг, похожий на мышинный писк. Подбадривая друг друга, они под началом Лао Юаня взялись за дело с удвоенным рвением.

Кто-то таскал масло, кто-то обматывал палки тряпьем, готовя новые факелы. Другие же, вооружившись крюками, лопатами, топорами и копьями, добивали тех немногих тварей, что пытались спастись бегством из огненной ловушки.

На подмогу пришли почти все, кто в тот день был в поместье — больше сотни человек. По всему питомнику разносились крики и звон металла; воцарился невообразимый хаос.

Неподалеку, на огромном валуне, сидел Янь Цзызюнь. Двое стражников, приставленных к нему, стояли по бокам, не давая юноше и шагу ступить в сторону схватки.

Вспоминая увиденное, Янь Цзызюнь не на шутку разволновался за остальных.

— Братцы, что это за чудовища? Прошу вас, не стойте здесь, идите на помощь заведующему Юаню!

Стражники переглянулись.

— Не положено. Нам велено за тобой приглядывать. Если помочь не можешь — сиди смирно и не мешайся. Коли что случится, нам сразу весть подадут.

Янь Цзызюнь лишь мельком успел взглянуть на тех существ, прежде чем его в суматохе сбили с ног и Лао Юань велел увести его подальше. Он никогда раньше не видел столь омерзительных созданий и теперь терзал расспросами своих охранников. Те, впрочем, и сами ничего не понимали, лишь качали головами.

Прошло немало времени. Огни внизу, в низине, где располагался питомник, пылали вовсю. Шум битвы доносился до них глухо, а из-за тумана были видны лишь неясные тени.

Все трое чувствовали нарастающее беспокойство. Наконец один из стражников не выдержал:

— Слушай, может, ты за ним присмотришь, а я спущусь гляну?

— Лао Юань мужик суровый. Велел смотреть — значит, смотри. Тебе что, приключений не хватает?

Пока они спорили, Янь Цзызюнь, терзаемый тревогой за старика, взмолился:

— Да куда я не убегу! Пусть хоть один сходит, узнает, как там наши. Нам же спокойнее будет.

И в тот самый миг, когда они были готовы решиться, резкий порыв ветра принес с собой удушливую смесь цветочного аромата и тошнотворной вони.

Люди закашлялись, ветер нещадно трепал их одежду и волосы.

— Кха-кха! Черт побери, что за вонь?! Глаза ест!

Один из охранников окликнул товарища, но тот молчал. Откинув волосы с лица, он увидел, что его напарник в ужасе осел на землю и, выпучив глаза, пятится.

— А-а-а! Монстр! Спасайся!

— Матушки мои, что это за приبلуда?! Бежим!

Второй стражник, хоть и держался чуть дольше, тоже поддался панике. Ноги у обоих дрожали так, что не слушались; вцепившись друг в друга, они бросились наутёк, забыв обо всём на свете.

Янь Цзызюнь остался один. Увиденное парализовало его, он рухнул на колени, не в силах пошевелиться.

«Это демон... Настоящий демон!»

Сердце в груди колотилось так, что заглушало все звуки. От страха перехватило горло. Мысль о неминуемой смерти лишила его последних сил.

Перед юношей опустилась женщина-демон. Её иссиня-черные волосы развевались на ветру, а всё тело было пугающе белым. Даже огромные полупрозрачные крылья имели бледный, костяной оттенок. Две пары угольно-черных глаз располагались по бокам лица. Она была совершенно нагой, её облик напоминал человеческий, но за спиной, словно жуткий плащ, волочилась содранная женская кожа.

Тварь завyla — пронзительно, дико. В этом звуке слышались и плач призраков, и крики обезьян в лесу; от этого леденящего душу стопа по спине пробежал смертный холод.

Внезапно демон оскалил острые клыки и, взмыв в небо, камнем рухнул вниз, целясь прямо в Янь Цзызюня.

Тот не мог даже вздохнуть под гнетом ужаса. Его левая рука, дрожа, нащупала в траве маленькую лопатку для цветов. Повинуясь слепому инстинкту самосохранения, он схватил её и, зажмурившись, швырнул в налетающую бестию.

В это короткое мгновение, сквозь узкую щелку век, Янь Цзызюнь увидел Юань Сунвана. Старик вместе с группой слуг, вооруженных палками и ножами, бежал к нему на выручку.

В душе юноши вспыхнула слабая надежда, на глаза навернулись слезы. Он уже хотел крикнуть им, но когтистая лапа бестию подхватила его и унесла в воздух.

— Ох, беда! Она хочет выпить кровь Цзюнь-гэера!

— Лао Юань, делай же что-нибудь! Спасай парня!

Люди внизу метались, не зная, как достать тварь. Те крохи духовной энергии, что они вкладывали в свои броски, были слишком ничтожны. Демон легко уклонялся от летящих клинков, а те, что попадали в цель, бессильно отскакивали от магического барьера.

Лао Юань был ранен: кровь ручьем текла из разодранного плеча. Опершись на посох, он в ярости закричал, указывая на небо:

— Нечисть! Если хочешь уйти живой — отпусти парня! Не бери новый грех на душу!

Но женщина-демон лишь издала утробный рык. Казалось, она не понимала человеческую речь. Вскинув острый, как бритва, хоботок, она приготовилась вонзить его в шею Янь Цзызюня.

— Нет! — Юань вскрикнул и зажмурился. Он не в силах был видеть, как кровь юноши окропит землю.

— Жалкое ничтожество. В самый важный момент только и горазд, что орать.

Словно черная тень, с небес пал призрачный образ. Все замерли, глядя на Чу Цзюиня. В черных одеждах, с распущенными волосами, развевающимися на ветру, он предстал перед ними подобно грозному божеству. Лицо его озаряли призрачные отсветы, а в глазах, подобных прозрачному стеклу, застыл холод, способный мгновенно сковать всё живое льдом.

— А! Господин!

— Да, это наш Господин пришел!

Слуги, увидев Чу Цзюиня, разом пали на колени.

Чу Цзюинь опустился на землю и небрежным жестом швырнул старику Юаню бесчувственное тело Янь Цзыюня. Юноша, не выдержав потрясения, давно впал в забытие.

Чу Цзюинь с нескрываемым презрением взглянул на него, после чего резко отвернулся. Его черные рукава взметнулись, а вокруг запульсировала мощная аура духовного давления.

Раздался сухой, резкий треск — звук лопнувшего воздуха.

В руке Чу Цзюиня материализовалась Плеть Пурпурной молнии — Сюаньлунцзя. Устремив взгляд в небо, он ледяным голосом бросил:

— Что за гниль посмела лишать жизни людей в моих владениях?

Демоница, почуяв силу врага, заговорила дребезжащим, замогильным голосом:

— Почтенный, отчего же вы не спросите своих слуг, первыми убивших моих детей? Я лишь хочу взять плату за долги кровью этого мальчишки!

Услышав это, Юань вскипел:

— Тьфу на тебя! Ты сгубила жену Лао Лю, выпила её досуха, а потом нацепила на себя человеческую кожу, чтобы дурачить нас! Те выродки, что ты отложила в саду, жрали не только силу цветов. Белые кости, что мы выкопали под корнями — вот свидетельство твоих злодеяний!

Чу Цзюинь несколько дней выслеживал причину таинственных исчезновений в окрестных деревьях. Он шел по следу и никак не ожидал, что след приведет его в собственный дом.

Ярость вспыхнула в его душе, на лбу отчетливо забились жилки. Он корил себя за излишнюю мягкость и попустительство, из-за которых в Сяньюане воцарился подобный беспорядок.

Чувствуя себя опозоренным, Чу Цзюинь прорычал:

— Раз все улики налицо, нечего тратить слова на эту уродину!

Он резко взмахнул рукой, и плеть в его ладони с невероятной скоростью трижды свистнула в воздухе. словно оживший дракон, она метнулась вверх, обвиваясь вокруг парящей демоницы.

Та отчаянно забила крыльями, пытаясь уклониться, но не знала, что Сюаньлунцзя — любимое оружие Господина Чу. Один миг — и неуловимая «змея» захлестнула её предплечье.

Улучив момент, Чу Цзюинь наполнил плеть духовной силой. Пурпурные молнии потекли по ремню, и тварь, пораженная небесным разрядом, мгновенно застыла в параличе. Удар подбросил её еще выше, лишая возможности применить чары.

Внезапно плеть взорвалась чудовищной мощью: на ней проступили острые, как бритва, чешуйки. словно клыки хищника, они впились в плоть демона, жадно высасывая его кровь.

Бестия закричала, вращаясь в воздухе подобно волчку. Превозмогая страшную боль, она извернулась и, вцепившись когтями в плеть, с силой дернула её на себя.

Чу Цзюинь, словно предвидя это, позволил рывку оторвать себя от земли и сам ринулся навстречу врагу.

Вытянув руку, он нацелился пальцем точно в межбровье монстра. Из кончика его пальца со свистом вырвался луч пурпурной энергии, пронзая лик демоницы подобно раскаленному мечу.

Тварь содрогнулась, её лицо почти расколосось надвое. В предсмертной агонии, когда Чу Цзюинь уже собирался нанести решающий удар, она выдохнула облако густого дыма прямо ему в лицо.

Это был не просто дым, а едкий абрикосово-желтый порошок. Чу Цзюинь, учуяв приторный аромат, мгновенно отпрянул, но ядовитая завеса настигала его, стремясь поглотить в свои объятия.

В этот критический миг серебристая вспышка прорезала воздух. Невидимая нить захлестнула пояс Чу Цзюиня и резко оттянула его назад.

— К чему столько усилий? Просто притрави её, и дело с концом.

Говорил Чжу Тяньган. Никто не заметил, когда он появился, словно он наблюдал за схваткой уже давно. Одетый в белоснежные одежды, с серебряным венчиком фучэнь в руках, он парил в воздухе, и его облик — безмятежный и светлый — напоминал сошедшего на землю небожителя.

Он едва заметно улыбнулся и сложил пальцы в магическом жесте. Восемнадцать зёрен бодхи, объятых яростным пламенем, со свистом разлетелись в стороны.

Демоница поняла, что дело плохо: противник оказался еще опаснее прежнего. Она попыталась скрыться в тумане, но, как ни была она быстра, белые четки оказались быстрее. Большая их часть уже вошла в её тело. После двух сокрушительных ударов силы покинули её, и скорость полета заметно упала.

Чжу Тяньган, видя это, подбросил свой венчик — это изящное устройство было одновременно и оружием, и священным артефактом. В мгновение ока тысячи серебряных нитей Ваньсытао опутали демона, туго стянув крылья, и с силой обрушили тварь на землю. Как она ни билась, путы держали крепко.

Ярость Чу Цзюиня требовала выхода. Сюаньлунцзя вновь взметнулась вверх.

Пурпурное пламя пронзило пустоту, с неопишуемой силой обрушившись на демоницу. В один миг от неё не осталось ничего, кроме кучки пепла.

— Ц-ц-ц... — покачал головой Чжу Тяньган. — Гнев — плохой советчик. Одним ударом ты оборвал все нити. Теперь мы и не узнаем, сколько еще подобной дряни прячется по закоулкам этого сада.

Чу Цзюинь, казалось, ничуть не раскаивался.

— Оборвал — и ладно. Обычный демон-бабочка, отъевшийся на человеческой крови, возомнил о себе невесть что! Если еще какой слепец посмеет бесчинствовать у меня под носом — его ждет та же участь.

Чжу Тяньган собрал нити венчика в пучок и кивнул на лежащего Янь Цзызюня.

— Хватит бахвалиться. Посмотри лучше, жив ли парень.

Чу Цзюинь нехотя подошел к юноше. Проверив пульс, он понял, что тот просто лишился чувств от непомерного страха.

Старые обиды всё еще жгли сердце Чу Цзюиня, но сейчас было не время для сведения счетов. Он поднял бесчувственное тело на руки, укрыл полой своего плаща и молча направился к дому.